

БЮРО
ПРОПАВШИХ
ЛЮДЕЙ

АННА БЛЭР

18+

Анна Блэр

Бюро пропавших людей

<https://litres.ru/74097201>

SelfPub; 2026

Аннотация

Хороший детектив начинается с трупa. Это первое правило, и Нина знает его лучше прочих: четыре года ее учили, как убить персонажа так, чтобы зритель не отвел взгляд.

Ее проблема в том, что трупом в этой истории, возможно, будет она сама. Пока она об этом не знает. Пока она хоронит лучшую подругу, которую сняли с петли солнечным апрельским воскресеньем, когда снег сошел даже с верхушек Каскадных гор и весь тихий портовый городок в штате Вашингтон дышал так легко, будто ничего и не случилось.

Дело закроют за сутки. Записка, знакомый почерк, подпись, которую подтвердят эксперты. С вердиктом согласны все. Кроме Нины.

Нина не верит отчету. Она дергает за единственную ниточку, что у нее есть, и спокойный портовый городок начинает расходиться по швам, обнажая то, что под аккуратной тишиной пряталось годами.

И лучше бы она этого не видела.

Содержание

Флэшфорвард	4
АКТ I.	6
1. Экспозиция	6
2. Исходное событие	10
3. Дилемма	26
4	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Анна Блэр

Бюро пропавших людей

Флэшфорвард

Начинать историю со смерти — это клише.

Но стоит признать, что это клише работает, потому что как иначе заставить вас оторваться от дел и телефонов и обратить внимание на меня? Показать изуродованный труп, чтобы заинтриговать любителей детективов? Или начать сначала? С самого момента рождения, когда я вся бледно-синяя лежала в крови на реанимационном столике и молчала, пока вокруг суетились врачи, так желавшие выпустить меня в капиталистическую скачку за эфемерной морковкой?

Конечно, нет. Это все скучно.

Мне нужно выловить момент, когда все пошло не так. Да, точка разрушения — определенно хороший момент для начала. Но я не хочу приводить вас в ту точку, где нахожусь сейчас. Это крайне неприятное место, пропахшее кровью. Моей кровью.

Жаль, что у меня осталось минуты три, от силы пять. Могла бы выстроить неплохую структуру. Экспозиция, конфликт, мидпойнт, все дела. Хороший бы вышел сценарий. Но еще больше жаль, что я ни за что не успею перенести это

на бумагу.

Потому что за настойчивым звоном в ушах, металлическим привкусом во рту и холодом бетона под щекой, я отчетливо слышу его шаги.

АКТ I.

1. Экспозиция

Зритель должен понимать, с кем ему предстоит иметь дело.

Протагониста, даже если он самый отъявленный придурок на всей планете, нужно представить так, чтобы его полюбили вопреки всему. Не за что-то, а именно вопреки, потому что несчастному герою предстоит наделать много ошибок и пережить моменты слабости.

Он не должен быть идеальным, потому что идеальным героям не прощают ничего. Их не жалеют. За них не волнуются. Зрителя не обманешь, он будет ждать, что протагонист справится со всеми трудностями и победит главного злодея, даже если прямо сейчас он лежит на полу и истекает ~~окрашенным кукурузным сиропом~~ кровью (в огромном количестве, прошу заметить). Почему я про это говорю? Потому что, как и все, хотела начать с плюсов. Я достаточно облажалась в этой жизни, чтобы считаться очень даже неидеальной.

И, как вы поняли, я очень надеюсь, что протагонистом этой истории стану я. Потому что по законам жанра я должна буду выжить. А мне бы очень этого хотелось.

Но до момента моей смерти у нас еще есть время. И нам

лучше использовать его по делу, потому что полюбить такого героя, как я, будет очень непросто. На это есть одна причина.

Я непримечательная.

Мне больно даже думать об этом, потому что от одной мысли, что мне предстоит прожить обычную жизнь в стенах небольшой съемной квартирки, каждый день занимаясь нелюбимым делом, меня тошнит. Физически тошнит. Я испытываю настоящий ужас при виде банковских счетов, студенческих долгов, чеков за коммуналку... Но это не сравнится с тем ужасом от визитов к родителям, все еще мечтающих о том, что я займусь нормальной работой.

Нормальной в их понимании, разумеется, потому что лично я выбрала путь голодного художника. Или отвергнутого сценариста с целыми гигабайтами никому не интересных питчей и заявок, надеющихся однажды воплотиться на большом экране. А пока моя большая мечта не исполнилась, я пишу сценарии для роликов ленивых интернет-звезд и улыбочивых сетевиков-продажников молочных протеиновых коктейлей для экстремально быстрого похудения. Это кормит (хоть и не особо сытно), но вызывает ужасное желание разнести ноутбук вдребезги. Я бы так и поступила, честно, но папа недавно выплатил за него рассрочку.

Кстати о родителях. Да, они живы. Никакой трагической истории потери и последующей мести. Еще один минус в мою копилку, знаю. И я сразу хочу добавить еще один: иногда мне кажется, что они были правы, когда настаивали на

получении юридического образования. Ведь лучше плевать-ся от своей работы и иметь хобби, чем возненавидеть дело своей жизни и сидеть без денег.

Что же... Я не люблю уделять много времени себе, так что, надеюсь, хоть какое-то представление да сложилось, потому что нам пора перейти к тому, за чем мы все здесь собрались.

К крови, разумеется.

Все всегда хотят крови.

Я понимаю ваше желание, но на этот раз кровь будет моей, так что позвольте мне повременить, немного застрять в этом редком моменте самолюбования. Мне кажется, я имею на это право.

К тому же, и вы не без греха, раз собрались перелистнуть страницу, так и не узнав моего имени. А вы ведь едва ли сходу назовете хотя бы пять сценаристов (если не брать в расчет тех, что сами снимают кино или крадут сценарии своих жен или малоизвестных братьев).

Тэсса Хартвелл.

Крутое, правда?

И, как вы, наверное, догадались, не мое. Это псевдоним.

Зачем я его взяла? Без понятия. Наверное, думала, что так будет проще писать и не думать, что какой-нибудь бывший одноклассник, случайно увидевший меня в титрах, не решит растрепать мои сокровенные тайны, за которые меня непременно заклеят в сети (хотя моя худшая тайна — мой вкус в книгах в пятнадцать лет). Да и мне, если что, не придется

краснеть в случае провала. Да, да, вы все верно расшифровали. Я избегаю ответственности.

Но я готова поделиться своим именем с вами, а потом, обещаю, перейдем к нашей любимой части, где в маленьком портовом городке в штате Вашингтон все решили дружно закрыть глаза на убийство. И не одно.

Итак, меня зовут Нина и эта история о том, как я хотела написать сценарий лучшей в мире документалки и позорно провалилась, став одной из актрис второго плана (а проще говоря, трупом).

2. Исходное событие

Все началось, когда убили Лиззи.

Она повесилась в замечательное весеннее воскресенье, когда снег сошел, кажется, даже с верхушек Каскадных гор. Солнышко грело асфальт, пели птички и даже Такома перестал вызывать отвращение, а это, на минуточку, один из самых ужасных городов во всех Соединенных Штатах. Я прожила в нем целых двадцать пять лет, поверьте мне, я знаю, о чем говорю.

В это апрельское утро ничто не могло омрачить всеобщую радость, кроме тела Лиззи, болтавшегося в петле. По всем законам жанра рядом лежал стул — красивый винтажный стул с претензией на роскошь — и предсмертная записка, написанная весьма характерным и узнаваемым почерком, да еще и с подписью. Крышка в гроб уголовного дела, да?

Так почему же я употребила слово «убили»? Потому что у меня были все основания так думать. А сейчас их еще больше, но вперед забегать не будем. Мне важно, чтобы вы не забыли первый труп через десять минут, потому что для меня это не просто первая жертва какого-то там убийцы. Лиззи была моей подругой. Лучшей подругой, о которой я даже мечтать не могла. Мы были неразлучны лет с пяти, когда в детском саду случилась первая драка за игрушечную кухню. Нам пришлось вооружиться ядрено желтыми пластико-

выми лопатками и побить сопливого шестилетнего рэкетира, чтобы отвоевать нашу законную территорию. Вообще нас всегда объединяли общие враги, будь то мальчишки из садика или престарелые учительницы, ненавидевшие распущенные волосы и смех. Довольно смело с их стороны кричать на школьников, когда самим жить осталось всего три понедельника, правда?

Если вам недостаточно этого, чтобы полюбить Лиззи так, как любила я, добавлю вам еще пару фактов.

Факт первый: она всегда поддерживала в беде независимо от ее масштаба: помогала списывать тригонометрию, выслушивала долгие стенания о несчастной любви, поддерживала разговоры о том, чего сама порой не понимала до конца.

Факт второй: к ней тянулось все живое. Она излучала энергию, силу, счастье. В ее обществе все казалось таким неважным и преодолимым, а пространство наполнялось теплом. Ее любили лишайные дворовые коты, бездомные бродяги, дети, кассиры, преподаватели... Продолжать можно бесконечно. Она помогала всем: ездила чистить пляжи резерваций в начальной школе, вызывалась волонтером в кризисные центры и всегда выслушивала стенания опечаленных подруг.

Звучит как описание диснеевской принцессы, да? Может быть и так, но я не готова выносить на ваше обозрение наши ссоры и недомолвки, потому что в конце концов Лиззи мертва. Что я за подруга, если буду говорить гадости за ее

спиной?

Да и, в конце концов, пока я сценарист, сюжетом управляю я, правда? Позвольте мне насладиться толикой власти, пока все не вышло из-под контроля.

Мы вернемся к Лиззи, которая уже не висела на чердаке, а лежала на земле, накрытая белой простыней. Вой сирен оглушал, давил на перепонки. И почему полицейские не могли выключить их, когда припарковали свои развалюхи рядом с ухоженным особняком в пригороде? На улицу сразу вывалила толпа: зажиточные по меркам Такомы жители стояли на однополосной дороге в одних халатах и тапочках, с интересом заглядывая на выстриженную лужайку, обнесенную черно-желтой лентой.

И я оказалась среди них. Бросила велосипед прямо у обочины и ринулась к телу.

— Стоять! — пригрозил один из офицеров.

Он выставил руку, пытаясь удержать меня, однако звание лучшего покупателя местной пончиковой дало о себе знать. Я проскользнула под лентой и подбежала к телу, уставленному желтыми пластиковыми «домиками» с цифрами.

Рывком я сорвала простыню и вмиг пожалела об этом. Я не должна была видеть Лиззи такой. Бледной, опухшей, мертвой. На ее шее извивалось ожерелье из синяков. Глаза открыты.

Вы знали, что у трупов глаза не закрываются? Их веки нельзя легко опустить пальцами как показывают в фильмах,

а патологоанатомы используют специальный скотч, чтобы слепить их. До тех пор покойники смотрят вверх.

Но Лиззи не смотрела вверх. Она смотрела прямо на меня.

И даже в ее мертвых глазах я читала обвинение. И я явилась с повинной. Жаль, что слишком поздно.

Меня оттащили назад. И я, к своему стыду, не смотрела на тело подруги. Я видела лишь желтые «домики» — маркеры криминалистов — так напоминавшие детские пластмассовые лопатки.

Впервые в жизни я испытала бобслей вне монтажа. Калейдоскоп кадров и образов закрутился в бешеную карусель, что никак не хотела останавливаться. Желтые «домики», лица соседей, чья-то сигарета, красно-синие мигалки, потное пятно на голубой рубашке офицера, вспышки камер, провинциальные журналисты и, наконец, лицо жениха Лиззи.

Когда черед кадров дошла до него, я уже не могла сдерживаться. Меня вырвало. Прямо на кроссовки, которые Лиззи подарила мне на прошлый день рождения.

Я не буду больше описывать свои эмоции, потому что тогда кто-то из вас обязательно проникнется ко мне сочувствием, а этого я допустить не могу. Потому что я жива, а Лиззи увозят в морг.

Посвятите пару секунд своего времени памяти о ней.

Увы, я не могу закончить на этом, как бы мне не хотелось. Потому что сама по себе смерть Лиззи — не исходное собы-

тие. Оно произошло чуть дальше, в нескольких километрах от ее дома.

Я сидела в полицейском участке рядом с Брайаном, изображавшим не то слезы, не то гнев. Он всегда кривил лицо так, что было непонятно, какую эмоцию он хочет транслировать окружающим. Для себя я решила, что он подает сигнал санитарам и в глубине души понимает, что ему самое место в психбольнице, подальше от нормальных людей. Подальше от Лиззи.

Господи, я так хотела, чтобы они разошлись, но не ожидала, что их разделит шесть футов сырой земли на кладбище.

Жаль, что в могилу ляжет не он.

Не торопитесь осуждать меня, Брайан был тем еще мудакom, но трагедия истории заключалась в том, что он вполне мог стать героем типичной мелодрамы. Он подходил идеально: был эмоционален, ревнив, нарциссичен и смазлив. Он выбрал Лиззи как равную себе, возвел на пьедестал только для того, чтобы через пару месяцев скинуть ее в бездну. Довольно типично и шаблонно, но сработало безотказно.

Я не хочу говорить о Брайане, но мне придется. Придется орать о нем, пока кто-то не услышит.

— Нет, слушайте, она не повесилась. Она не могла!

Я вцепилась в отчет, лежавший на столе лейтенанта, пока он тщетно пытался вырвать бумаги из моих рук.

— Мы записали ваши показания и обязательно проверим их, — процедил поседевший полицейский, настойчиво по-

тянув папку на себя.

— Да нихрена вы не проверите!

Я наконец вырвала отчеты и встала со стула. Локоть лейтенанта ударился о стол, звук был глухой, будто кто-то уронил пустой деревянный ящик. Пальцы быстро листали документы, оформленные громоздкими печатями и тоннами ненужной процедуральной чепухи. Полицейский поднялся из-за стола, поправил ремень с пустыми кобурами.

— Она сумасшедшая! — выплюнул Брайан.

Мне мгновенно захотелось ударить его этой самой папкой. Папкой, где лежали бумаги с отрывочными заметками моей часовой тирады, не передававшими ни йоты заложенного мною смысла.

— Вы даже не записали ничего! — я вытащила смятую бумажку с отчетом и сунула ее под нос свирепеющего лейтенанта.

— Мэм, если вы сейчас же не успокоитесь, мне придется вас арестовать, — проговорил он.

— Что? Нет, вы должны арестовать его! Это он...

— Это серьезное обвинение, которое может быть расценено как клевета, — прервал меня мужчина.

У него вместо мозга была заевшая пластинка с набором из трех с половиной фраз, которые он повторял из раза в раз, как тупая детская игрушка за два доллара.

— Угомонись, Нина.

Брайан поднялся, разминая плечи, будто готовился к дра-

ке. О, теперь в нем не осталось и капельки того горя, что он так старательно из себя выдавливал. Нутро рвалось наружу. Жаль, что это видела только я.

Лейтенант вырвал у меня из рук папку и указал на место, однако подчиниться ему было выше моих сил. Я осталась стоять. На плече у мужчины зашуршала рация. «Юнит 12, код 10-50, дорожно-транспортное происшествие. Саут 38-я улица и Пайн-стрит, без пострадавших. Ответьте, что приняли.»

— Принял, — проговорил детектив в рацию и тяжело оглядел меня с ног до головы.

Он потер руку и проверил свои часы. Я не особо-то разбиралась в мужских способах выражать свое богатство, но прекрасно уловила, что они были не из дешевых.

— И что, вы бросите дело об убийстве и поедете писать протокол ДТП? Почему вы вообще едете на вызов, если вы... — я бегло взглянула на металлическую блестящую табличку на столе. — Лейтенант!

— Тейт! — закричал он, отклонившись назад. — Закончи допрос, у меня вызов.

Я фыркнула, резко отодвигая стул. Я постаралась расположить его как можно дальше от Брайана, но он занял все место своими распахнутыми ногами. Тем временем лейтенант накинул на плечи куртку, вытащил из ящика табельное оружие и вразвалку направился к выходу.

— Я докажу, что это была твоя вина, — полушепотом про-

изнесла я.

— Лизабет повесилась, — четко произнес он, сверля меня взглядом.

Я скрестила руки на груди. Нога тряслась. Слишком банальный признак стресса, занимает третье место после карандаша и обгрызания ногтей. Мой мастер по сценарному мастерству такой ход бы не одобрил.

— Я тебя уничтожу, — процедила я, быстро отворачиваясь, услышав шаги.

Брайан ничего не ответил, лишь фыркнул и повернулся к вошедшему детективу. Тот самый Тейт. Жаль, что упертый старик лейтенант так и не представился. Я бы хотела подарить его имя какому-нибудь второстепенному персонажу-идиоту. Да, так я вершу свою маленькую месть.

Новый детектив был гораздо моложе, едва ли сильно старше меня. Взгляд отстраненный, лицо недовольное, кожа бело-серая, а под глазами синеватые круги. Боже, он что, употребляет?

— На чем вы остановились? — сразу спросил он, садясь на стул.

В его глазах промелькнуло замешательство, когда он заметил смятые отчеты на столе, однако он быстро сумел взять себя в руки.

— Лиззи звонила мне вчера вечером, просила приехать, — быстро выпалила я, прежде чем Брайан успеет все испортить.

— Вы приехали? — скептически уточнил детектив, беря в руки ручку.

Я опешила. Это был простой вопрос, но отчего-то слова резко закончились. А я с ними дружу, очень близко дружу и не ожидаю такого предательства в самый ответственный момент.

— Она не приехала, — с толикой удовольствия произнес Брайан, искоса глядя на меня.

— Она хотела сказать мне нечто важное, — тут же заговорила я. — Она была очень взволнована и... испугана.

— Понятно, — Тейт отложил ручку и поджал губы. — Это стул, — сказал он вдруг.

— Что?

— Стул рядом с телом. Винтажный, дорогой, наверное. Вы ведь уже видели фото из протокола?

— Да, я...

— Человек, который собирается вешаться, не думает о стуле. Он скорее берет что попало, быстрее, чтобы не струсить и не передумать, — он перелистнул страницу блокнота. — А этот тяжелый, из массива дуба, да еще и с резьбой... Должно быть было сложно затащить его на чердак, особенно с весом в сотню фунтов.

Воцарилась тишина, даже звуки участка — смешки офицеров, гул вендинговых автоматов, шелест бумаги и клацанье кнопок — стихли. Даже Брайан наконец заткнулся.

— Вы ведь тоже знаете, — произнесла я медленно. — Вы

тоже уже понимаете.

— Я просто задаю вопросы.

— Нет. Вы мне только что подтвердили, что это убийство.

Он поднял взгляд. Первый раз за всю сцену — прямо на меня.

— Нет, это всего лишь наблюдение, а не вывод.

— Это одно и то же.

— Нет, — устало произнес он, откидываясь на спинку кресла. — Вывод делают, когда на руках у тебя есть все факты. А факты начинаются с наблюдений. Вы с Ходжем давно знакомы?

Переключился так быстро, что я едва успевала за его скачками мыслей, которые у меня язык не повернется назвать потоком.

— С тех пор как они начали встречаться. Года три.

— Он вам нравился?

— Я вообще-то тут, — возмутился Брайан, скрестив руки на груди.

— Нет, — отчетливо выплюнула я.

— Почему?

— Потому что таких людей видно сразу, — я чуть помялась. — Я... сценарист. Мне платят за то, что я читаю людей и лезу им в душу, чтобы выковырять какую-нибудь темную тайну.

Это была полуправда, потому что этому нас действительно учили на модуле документального кино. Да и психоло-

гия персонажей во многом строилась на человеческой, иначе бы в кино никто не ходил. Тейт заинтересованно приподнял брови, и это было единственное мимическое изменение в его лице за весь наш разговор.

— И как бы вы прочитали меня?

Наблюдение из жизни: не стоит выпендриваться перед ко-
пами.

Я открыла рот, но тут же закрыла. Меня не раз просили проделать такую штуку знакомые в компаниях, я быстро выучила, что чтение поверхностных фактов и щепотка импровизации приводят всех в восторг. Люди любят слушать о себе, находить подтверждение в положительных чертах и ищут признание их травм, которые они нехотя прячут от других. Людям нравится их слабость, как бы они этого не отрицали.

— Это ловушка, — сказала я наконец.

— Нет, — ответил он просто. — Это обычный вопрос. Если вы умеете читать людей и делаете это хорошо, в чем проблема прочесть меня, чтобы я убедился в ваших доводах?

— Она ни один сценарий не написала, — фыркнул Брайан.

Тейт медленно кивнул.

— И все же... Почему вы считаете, что тот звонок был следствием испуга? Самоубийцы ведь часто так поступают. Они ищут помощь.

— Если бы Лизабет ее нашла, мы бы не были тут, — добавил Брайан.

Все взорвалось. В такие моменты подходит абсолютная тишина. Нет, я знаю, что даже звук тишины — кропотливая работа звукорежиссера, но сейчас было полное отсутствие звука. Я перестала контролировать свои руки, свои мысли, если они в тот момент вообще были. Я так привыкла к этому закадровому голосу своей жизни, что его молчание ударило сильнее всяких слов. Я видела себя со стороны, видела, как тело поднимается на ноги, как руки резко тянутся к чужому горлу — такому открытому и уязвимому.

Все произошло очень быстро, и столь же стремительно последовал удар. Удар и темнота.

Я впервые оказалась в камере. Она была именно такой, как я себе и представляла. Маленькая, холодная, с уродливым железным унитазом в углу. Не хочу думать, сколько проституток и наркоманов топтало пол, на котором я лежу, но запах... Запах здесь стоял просто убийственный. Подняться оказалось сложнее, чем я думала. Виски ныли, тело не слушалось.

— Очнулась, — слышался приглушенный крик из-за железной двери.

Что, если мне придется провести в тюрьме всю оставшуюся жизнь? Всю оставшуюся, потому что в таких условиях я точно протяну не больше двух недель, пока не умру от стыда из-за необходимости ходить в туалет без шторки. Мне смешно вспоминать свои мысли тогда, потому что камера казалась

концом света. Тогдашняя Нина представить себе не могла, что ей предстоит пережить в следующие пару месяцев.

Я скуочаю по ней. По тогдашней Нине.

Мне кажется, она умерла как раз в тот день, когда в коридор между клетками зашел тот самый Тейт. Он был серьезен и непоколебим, будто собирался проводить меня на электрический стул. А я знаю, что в нашем штате смертная казнь отменена. Этот факт немного успокаивал меня каждый раз, когда я собиралась нарушить закон, например, не пробить авокадо на кассе самообслуживания или замазать грязью номера моего старенького фольксвагена, прежде чем он решил в третий раз отказаться служить мне верой и правдой.

Но вернемся к Тейту и его траурному лицу.

— Мистер Ходж согласился не выдвигать обвинения, — произнес он.

Я мигом прильнула к прутьям своей клетки.

— Это значит, что я свободна?

Молчание — плохой знак. Никто ведь не молчит, когда собирается сообщить хорошие новости или ответить на простой вопрос. Нет. Пауза всегда не к добру.

— Он запросил запрет на приближение.

— Будто я хотела к нему приближаться, — фыркнула я.

— Открывай скорее, я хочу в нормальный туалет.

— Ордер также защищает имущество мистера Ходжа.

— Что? Но в его доме жила Лиззи! Я же...

— При нарушении запрета на приближение последует

арест, — продолжил он.

— Да господи! Вы ему помогаете! Вы получили отчеты экспертов? Вы же должны уметь определять, когда кто-то... Имитирует суицид?

Щелкнул ключ, двери с недовольным скрипом отворилась. Я осторожно вышла наружу, но уходить пока не хотела. Не могла.

— Экспертиза еще идет, но по предварительному заключению это самоубийство.

— Нет, нет! — я перекрыла проход, а Тейт положил руку на свой пояс, где виднелся пистолет.

— Отойди.

— Ладно, ладно... Вы просто... Пообещайте, что вы не забудете на это дело, хорошо?

Я не могла угрожать ему, не могла настаивать, не могла применить ни один из своих приемов, помогавших мне в обычной жизни. Оставались только унижительные мольбы, которые едва ли пробьют толстокожего детектива. Он тяжело вздохнул.

— Она не могла убить себя, понимаете? Она звонила мне накануне, просила приехать, но я никак не могла... У меня горели сроки, нужно было за ночь закончить сценарий... — я запнулась.

Сейчас это все казалось таким жалким и неважным. Я не хотела признавать, что Брайан был прав, но и отрицать это было глупо. Я расставила приоритеты, сделала выбор и сей-

час вынуждена мириться с последствиями.

— Мы с ней собирались поехать в Лос-Анджелес этим летом. Она хотела кататься на красном кабриолете под пальмами у океана и попытаться встретить кого-нибудь из актеров. В мае мы должны были поехать на концерт в Сиэтл. На следующих выходных мы договорились встретиться в нашей кофейне на углу Пайнс. У нее осталась собака. Она всю жизнь хотела завести собаку и ни за что бы ее не бросила. С ней что-то стряслось. Последние недели она ходила напряженная, но она бы никогда не повесилась. Это ужасно... Как-то... Как-то мы обсуждали это... Она помогала мне в написании сценариев, я срисовывала с нее некоторых персонажей и спрашивала разные... странные вопросы... Это неважно в общем-то. Важно, что она сама мне говорила, что ни за что бы не вешалась, не прыгала бы с крыши, не стреляла бы себе в висок или рот. Она говорила, что такие трупы на похоронах выглядят отвратительно. А она... Она была из тех, кто хочет быть шикарной даже когда ночью выбрасывает мусор в соседский бак...

Слезы... Ненавижу их. Они всегда идут в неподходящий момент. Потому что подходящего момента для них не бывает.

— Она не могла этого сделать сама. Я точно это знаю. Вы можете... Проверить что-то или... Я не знаю, как у вас все работает. Может, запросите телефонные звонки или отслеживание ее телефона и телефона Брайана? Сделайте хотя бы

что-нибудь... Пожалуйста...

— Покиньте участок.

— Ее родители верующие. Они не смогут даже провести отпевание, понимаете? И... И если это сделал... Кто-то... Этот кто-то ведь опасен, так? Может он уже делал подобное раньше? Или сделает снова...

Тейт сжал губы, отвел взгляд. Он задумался. Это было большой победой.

— Я подумаю, что можно сделать. Оставьте свой номер телефона и покиньте участок.

Это звучало очень неубедительно, но уже было больше, чем я рассчитывала.

Тогда я кивнула и зашагала на улицу, к свежему воздуху. Тогда я еще не понимала, что это было оно — исходное событие. Точка отсчета.

3. Дилемма

Я ненавижу дилеммы. Ненавижу писать их, но еще больше ненавижу принимать в них непосредственное участие. Я прекрасно помню, что каждый выбор должен быть невыносимым и тянуть за собой хвост малоприятных последствий. Но я также знаю, что зрители любят дилеммы (пока они на экране, разумеется). Это ведь забавно: сидеть с друзьями на фуд-корте после просмотра долгого фильма и рассуждать, как бы вы поступили на месте персонажа. Особенно важно отметить, что на месте бедолаги первой жертвы вы бы не спускались в темный подвал, не спрашивали «кто там?» и обязательно вызвали бы полицию. Или выбрали бы того самого хорошего парня, обещавшего нормальную жизнь, а не бродягу-романтика с образованием в три класса и букетом психических расстройств.

Это легкие выборы и сюжетные условности, вытекающие во все знакомые клише, которые каждый поголовно ненавидит лишь оттого, что в глубине души любит.

И по всем законам жанра я не могла послушать прилежного детектива и доверить расследование смерти подруги полиции. Я не могла вернуться в свою квартирку, купить ведро острых крылышек и включить серию засмотренного до дыр сериала, чтобы отвлечься от гнетущей реальности. Это бы значило, что смерть Лиззи по влиянию близка к тяжелому

экзамену, неудачному свиданию или общению с полоумным заказчиком. А это не так.

Поступила бы я также, зная, чем все кончится? Да черта с два. Но я не услышала ваших предупреждающих криков из зрительского зала и уже маскировала велосипед в кустах.

Брайан был богатым мерзавцем. Его дом никак не вписывался в пейзажи Такомы, города, пропахшего морской солью, бедностью и казармами Льюис-Макчорд.

Огни в доме не горели. Не было ни привычных гирлянд, ни приглушенного света из спальни, ни синеватого света телевизора размером во всю стену. И его чертовой Камаро тоже не было.

Это хороший знак, потому что я собираюсь нарушить два федеральных закона и лишние свидетели точно не нужны.

Я знала, что Брайан не запирает заднюю дверь. Знала, что через живую изгородь можно протиснуться, если не бояться поцарапаться. А я не боялась. Я вообще сейчас мало чего боялась, это либо признак смелости, либо крайняя степень слабоумия.

Мне не нужно было выбивать окна или взламывать замки, чтобы вломиться в его дом, где все еще хранились вещи Лиззи. Среди них могли быть улики или что-то, что позволило бы мне понять, что толкнуло ее на этот шаг.

Люди не заканчивают жизнь просто так.

Я убеждена в этом не из-за какой-то эфемерной любви к

жизни, скорее из уважения к базовому инстинкту выживания. Тому самому, который заставляет отшатнуться от края платформы, прибавить шаг в темном переулке, проснуться в три ночи от непонятного шороха. Он древний и тупой и совершенно не интересуется нашими философскими взглядами на смерть. Он просто есть.

И у Лиззи он тоже был. Я знала ее двадцать лет. Я знала как она цепляется за поручни на смотровых площадках, как у нее потеют руки в темноте и как она дергается от резких звуков. Она всегда первой находила запасной выход в незнакомом здании «на всякий случай», скидывала геолокацию перед свиданиями. Она никогда не садилась спиной к двери в ресторанах, не ездила на общественном транспорте после девяти и даже не открывала дверь курьерам с гавайской пиццей.

Такие люди не вешаются.

Если бы полицейская академия наняла пару преподавателей, читающих лекции о психологии персонажей, у нас бы не было такой удручающей статистики раскрываемости. Но увы. Я вынуждена делать их работу.

Поэтому я пролезла через изгородь и пошла к задней двери.

Паффи, крошечная помесь пуделя с крысой, разрывалась в гостиный, пока не учуяла мой запах. Она радостно завилыла хвостом и побежала на встречу, стуча по ламинату своими

крохотными коготками. Я опустилась на колени и потрепала ее за ухом. Паффи жалобно заскулила и повертелась вокруг своей оси, поглядывая наверх.

— Что такое, малышка? — тихо спросила я.

Сперва эта собака вызывала у меня много сомнений, но со временем мы неплохо подружились. Паффи поднялась на задние лапки и оперлась о мое плечо, стараясь дотянуться языком до уха.

— Я тут по делу, понимаешь?

Хоть дом и был пуст, я все же прислушивалась ко всем звукам. Вдали залаяли собаки, Паффи хотела присоединиться к их гомону, но вовремя одумалась и осталась топтаться рядом.

— Я хочу найти кое-что... И мне нужно, чтобы ты вела себя тихо, понимаешь?

Она не понимала. Ни черта не понимала, кроме того, что хочет еще порцию чесания за ухом.

— Я поднимусь в комнату Лиззи, а ты останешься тут, будешь сторожить...

Услышав имя хозяйки, она подняла уши и склонила голову набок. Похоже, и до ее маленького мозга начало доходить, что Лиззи больше не вернется.

— Если кто-то придет, лай очень громко, поняла?

И она опять не поняла. Диалоги с ней вести бессмысленно. Она последовала за мной на второй этаж, очень стараясь как можно больше путаться под ногами.

Может она хотела, чтобы я наконец ее придавила и она воссоединилась с хозяйкой, кто знает? Боже, хорошо, что я сценарист, а не писатель, потому что потока моих ужасных мыслей никто бы не выдержал.

Комната Лиззи была ровно такой, как я запомнила. Точнее, это была не ее комната, а их с Брайаном спальня. Об этом весьма красноречиво напоминали его серые спортивные штаны, висевшие на спинке стула. Этот мудак уже сложил у стены картонные коробки, из которых выглядывали рукава кашемировых свитеров, которые она так любила.

У тумбочки стояла полупустая бутылка виски и грязный стакан, на дне которого блестела янтарная капля алкоголя. Похоже он сел за руль пьяным.

Я прошла к гардеробной. Такой пустой гардеробной с парадом пустых вешалок с правой стороны. На полу все еще стояли туфли и кроссовки. Видимо Брайан напился раньше, чем добрался до них.

Паффи с разбега запрыгнула на кровать и примяла покрывало маленькими лапками, чтобы уместиться удобнее.

— Я же сказала охранять! — громко прошептала я.

Она никогда не отличалась умом, знала полторы команды, которые путала между собой. Я отвернулась и вернулась к разглядыванию вещей.

Как странно, что остатки памяти о человеке можно упаковать в несколько коробок. Одежда, пара книг, украшения,

флаконы духов, пара книжек... Что еще остается от нас после смерти? Только этот ненужный хлам, который можно толкнуть в секунд-хэнды за бесценок? Я включила фонарик на телефоне и присела на пол возле собранных коробок, разглядывая неаккуратные стопки одежды, на которых еще оставался тонкий запах духов. Терпкий, плотный и яркий. Лиззи всегда выбирала вещи как отражение себя. Паффи рывком запрыгнула прямо в коробку и уткнулась носом в одну из ее любимых кофт. Она прикрыла глаза и громко засопела.

Наверное, она надеется, что Лиззи просто уехала ненадолго и скоро вернется. Я слышала, что собаки чуют приход хозяев, когда их запах выветривается из дома. Что же, тогда ей повезло, потому что эти духи въелись во все поверхности и переживут еще не одно поколение жильцов.

Я приоткрыла крышку другой коробки. Сверху лежал альбом с полароидными фотографиями. Я быстро перелистнула страницу, вглядываясь в смазанные снимки. Странно, что в век высокого качества нас так тянет как таким раритетным вещам. Может быть, мы подсознательно понимаем, что цифровые архивы — так себе наследие.

Калейдоскоп воспоминаний: дни рождения, поездки, концерты — все памятные моменты, на которые было не жалко потратить картридж. Я старалась перелистывать фото с Брайаном, однако одно из них расположилось на одном развороте с нашим. Мы сфотографировались на улице Сиэтла

со стаканчиками кофе. Я помнила этот день, эту прогулку после окончания университета. Мы были свободны и полны амбиций. Я мечтала о переезде в Калифорнию, а Лиззи планировала работать логистом в местной фирме. Это было весьма перспективно для Такомы, но какой человек по своей воле в двадцать лет выберет изучать логистику?

Я быстро вытасила фотографию и захлопнула альбом. Не хватало еще расплакаться. Только не опять.

Паффи принялась вылизывать свитер. На ее тонком языке скапливалась шерсть. Я аккуратно выдернула у нее из пасти рукав.

Под альбомами лежал мусор, вперемешку с какими-то крошками. Скрепки, заколки для волос, карабины для цепочек, скидочные карты и визитки. Так себе улов. Или я так себе детектив.

От отчаяния на миг захотелось лечь на пол. Усталость забила тело, а прилив адреналина постепенно стихал, уступая место пустоте. Я понятия не имела, что делать. Вообще. Я сотни раз видела, как в детективах малейшие детали намекали о тщательно спланированных преступлениях, как опытные агенты или полицейские по одному стакану или волоску раскрывали запутанное дело. Но я не знала, куда смотреть, с чего начинать.

Я со вздохом опустила обратно альбомы, однако среди плотных картонных корешков мелькнул другой, мягкий и кожаный. Записная книжка. Зачем она могла понадобиться

Лиззи? Она искренне ненавидела писать от руки, а ее почерк не смог бы разобрать даже опытный доктор. На секунду мелькнула надежда, что это может быть личный дневник, куда она скрупулезно записывала свои тайные переживания перед сном. Выливала все свои чувства и обиды, страхи и подозрения...

В груди распирало от нетерпения. Я раскрыла книжку, но страницы лишь насмешливо помахали передо мной своими пустыми крыльями. Я листала их одну за другой, пока не добралась до самого начала. Знакомым размашистым округлым почерком были написаны цифры.

«5.000

20.000

50.000»

Все, кроме последней, зачеркнуты. Я быстро сфотографировала страницу и приподняла альбомы, чтобы убрать книжку на место, однако она никак не хотела вставать.

— Вот же...

Я вытащила всю стопку, и на пол упало нечто белое и прямоугольное. Еще одна визитка. И на кой черт кому-то в наше время сдались визитки?

Она была чиста, ни единой надписи, просто белый кусок картона. Однако пальцы нащупали неровности, ритмичные выпуклости, складывавшиеся в набор цифр. Единица, двойка, ноль...

Паффи внезапно подняла уши и замерла. И я последова-

ла ее примеру, инстинктивно пряча странную визитку в карман.

Послышался скрип шин на подъездной дорожке.

— Вот черт, — прошептала я, глядя на Паффи.

Она уже понеслась вниз по ступеням, готовясь встретить Брайана. Однако я к этой встрече была не готова. Пришлось наскоро закрыть все коробки и тихо спуститься вниз. С улицы послышался невнятный шум, будто что-то тяжелое врезалось в металл. Отсюда было сложно понять, это был самый Брайан или его сраная Камаро. Не знаю, чему из этого я бы обрадовалась больше.

Я уже готовилась покинуть место преступления, но в последний моментхватила свитер из кучи вещей. Паффи разрывалась от лая, а я, воспользовавшись шумом, проскользнула к задней двери. Уже слышался звон ключей и приглушенные ругательства. Я тихо нажала на ручку задней двери. Морозный ночной воздух ударил в лицо, облизнул вспотевший лоб.

Паффи на миг обернулась, глядя на меня жалобным взглядом.

Я замерла.

Лиззи мертва и только успела остыть, а Брайан уже упаковывает ее вещи в коробки. А собака в неведении ждет, кому достанется как наследство.

Что он с ней сделает? Избавится через неделю? Отдаст родителям, у которых аллергия? Выкинет на улицу? Сбагрит

в приют, где она просидит в клетке пока не перестанет надеяться что хозяйка вернется?

Нет. Нет, черт возьми.

— Иди сюда!

Даже шепот казался оглушительно громким. Паффи замерла, оглядываясь то на меня, то на дверь, словно решала, как ей стоит поступить. Я присела и похлопала по бедру. Она все еще не двигалась — маленькое тупое существо с маленьким тупым мозгом который пытался понять что происходит. Она явно решила приобщиться к нарративу и принять собственное тяжелое решение. Чтобы ускорить этот сложнейший аналитический процесс, я сделала вид, что достаю что-то из кармана. Это подействовало мгновенно. Паффи радостно метнулась ко мне на руки, и мы вместе выскользнули на улицу.

Вовремя. Хлопнула дверь.

Паффи была на удивление спокойна, когда я заталкивала ее под толстовку.

Мы вместе побежали к велосипеду, надежно спрятанному за домом отсутствующих соседей. Когда мы свернули в проулок, Паффи вдруг залаяла. Она кричала так пронзительно и громко, что у меня на секунду заложило уши. Она скреблась своими маленькими коготками по плечу и старалась вырваться.

— Тише ты... — шикнула я, оглядываясь по сторонам.

Ее тело напряглось, вытянулось струной, она упорно смот-

рела в одну сторону. Руки похолодели, в голове пронеслась тысяча мыслей: вдруг Брайан решил выйти на улицу и заметил нас или внезапный патруль остановился, заметив подозрительную даму с собачкой? Но я была не права.

Паффи рвалась к высокому мужчине, стоявшему на подъездной дорожке дома Брайана. Через секунду я поняла, что он был не просто высоким, а действительно огромным: широкоплечим, бритым налысо, плотно сложенным. В тусклом свете едва можно было разглядеть цепочку татуировок, покрывавших каждый свободный дюйм кожи.

Я остолбенела, сильнее прижимая к себе Паффи. Но и мужчина не двигался. Так мы стояли несколько секунд, просто глядели друга, будто на пустынном шоссе испуганный олень столкнулся с заглохшей фурой, а Паффи взяла на себя роль несмолкающего аккомпонимента этой маленькой трагедии. Она не умолкала, ее тело тряслось, хвост хлестал меня по плечам.

— Тихо, — низким голосом сказал мужчина, приподняв руку.

И Паффи замолчала. Я сжалась, ожидая чего угодно, кроме того, что действительно произошло. Мужчина медленно отвернулся и зашагал в сторону двери.

Наблюдение из жизни: при совершении преступления лучше перестраховаться и надеть маску.

Этот мужчина видел мое лицо, и мне оставалось только

бежать.***

Отлично. Теперь я не только взломщица. Я похитительница домашних животных. Меня видели на месте преступления и обязательно арестуют к утру. Меньше всего я ожидала попасть за решетку таким образом.

Паффи высунула нос из-под толстовки и лизнула мне подбородок. Я крутила педали изо всех сил, прижимая ее одной рукой к груди. Она весила меньше моей сумки с ноутбуком, так что хоть какой-то плюс в ее карликовости нашелся.

Холодный ветер бил в лицо, принося запах океана. Фонари Такомы мелькали по сторонам: желтые, тусклые, через один не горят. Я проехала два квартала прежде чем позволила себе выдохнуть и остановиться на пару секунд.

Записная книжка, визитка...

Лиззи не умела хранить секреты. Она не могла списывать на химии. Не могла сдерживать смеха, когда играла в «две правды, одну ложь». Всегда чесала нос, когда врала о чем-то. Выпив стакан сидра, она болтала без умолку обо всем, что только могло взбрести ей в голову. Она была открытой книгой. Или я так думала, потому что мне хотелось так думать.

Или за пару дней до смерти ей удалось нажать секретов больше, чем за двадцать пять лет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.